

**ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
ИНВЕСТИРОВАНИЯ В ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ**

Рамазонов Мухаммадали Абдирашидович

Преподаватель сектора международного частного права
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация

В статье исследуются закономерности и тенденции трансформации налогового законодательства государств в условиях стремительного развития рынков цифровых активов. Анализируются ключевые подходы к налогово-правовой квалификации криптовалют, токенов и иных цифровых активов, применяемые в США, государствах членах Европейского союза, Российской Федерации и Республике Узбекистан. Рассматриваются проблемы налогообложения операций майнинга, стейкинга, обмена и реализации цифровых активов, а также вопросы применения налога на добавленную стоимость к транзакциям с криптовалютой. Особое внимание уделяется регуляторным инициативам ОЭСР в рамках Единого стандарта отчётности по криптоактивам (CARF) и их воздействию на международную налоговую систему. Сделан вывод о необходимости выработки единой концептуальной основы налогообложения цифровых активов на национальном и международном уровнях с учётом их экономической природы.

Ключевые слова: цифровые активы, криптовалюта, налогообложение, налоговое законодательство, трансформация налогового права, цифровая экономика, блокчейн, майнинг, стейкинг, ОЭСР, CARF, токены, DeFi, NFT, налог на прирост капитала.

Introduction

ВВЕДЕНИЕ

Глобальная цифровизация финансовых отношений породила принципиально новый класс активов криптовалюты, токены, невзаимозаменяемые токены (NFT) и иные инструменты, основанные на технологии распределённых реестров (блокчейн). Рыночная капитализация сектора цифровых активов, по данным CoinMarketCap, в отдельные периоды превышала три триллиона долларов США, а совокупное число пользователей криптовалютных сервисов достигает нескольких сотен миллионов человек по всему миру. Столь значительный масштаб экономических операций неизбежно поставил перед законодателями и правоприменителями вопрос о надлежащем налоговом регулировании данной сферы.

Парадокс ситуации состоит в том, что традиционные налогово-правовые конструкции, разработанные применительно к материальным и бездокументарным ценным бумагам, иностранной валюте и имущественным правам, оказались недостаточно адаптированными к специфике цифровых активов. Децентрализованный характер блокчейн-сетей, псевдонимность транзакций, трансграничность оборота и принципиально новые экономические механизмы (майнинг, стейкинг, ликвидные пулы, смарт-контракты)

поставили перед налоговым правом вызовы, не имеющие прецедентов в истории фискального регулирования.

Доктрина налогового права реагирует на данные вызовы, однако скорость её развития уступает темпам эволюции самой отрасли цифровых активов. Правовая неопределённость в вопросах налогообложения порождает налоговые риски для инвесторов, создаёт возможности для агрессивного налогового планирования и препятствует формированию прозрачного инвестиционного климата. Всё это определяет актуальность и практическую значимость комплексного исследования трансформации налогового законодательства в сфере цифровых активов.

Понятие и правовая природа цифровых активов в налоговом праве Налогово-правовая квалификация цифровых активов является исходной и одновременно наиболее дискуссионной проблемой в рассматриваемой сфере. Отсутствие единообразного определения в международном праве влечёт существенные расхождения в подходах национальных законодателей. Анализ сравнительного законодательства позволяет выделить несколько базовых доктринальных позиций.

Первый подход квалификация криптовалюты как имущества (property). Данная концепция, воспринятая налоговыми органами США в Уведомлении IRS № 2014-21, исходит из того, что виртуальная валюта является конвертируемым имуществом, а не денежным средством платежа.¹ Последствием такой квалификации является применение к операциям с криптовалютой правил налогообложения прироста капитала (capital gains tax): разница между ценой приобретения и ценой реализации актива образует налогооблагаемый доход.

Второй подход рассматривает криптовалюту как финансовый инструмент *sui generis*. Именно эта концепция была принята за основу при разработке европейского регламента MiCA (Markets in Crypto-Assets), вступившего в полную силу в 2024 году и создавшего первую в мире всеобъемлющую регуляторную базу для рынка криптоактивов.² Применительно к налогообложению данный подход влечёт необходимость разграничения различных видов токенов: платёжных, утилитарных и обеспеченных активами каждый из которых может требовать особого налогового режима.

Третий подход квалификация цифровых активов как валютных ценностей. Он встречается значительно реже и, как правило, применяется к стейблкойнам, привязанным к национальным валютам. ОЭСР в докладе «Налогообложение виртуальных валют» 2022 года³ констатирует, что к 2022 году лишь незначительное меньшинство государств членов организации рассматривало криптовалюты как иностранную валюту в налоговых целях. Столь различные подходы к квалификации приводят к принципиальным расхождениям в налоговых последствиях одних и тех же операций в различных юрисдикциях.

¹ OECD. (2022). Taxing Virtual Currencies: An Overview of Tax Treatments and Emerging Tax Policy Issues. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/e28c35bd-en>

² Internal Revenue Service. (2014). Notice 2014-21: IRS Virtual Currency Guidance. U.S. Department of the Treasury. <https://www.irs.gov/pub/irs-drop/n-14-21.pdf>

³ Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA). Official Journal of the European Union, L 150, 40–205.

Международный опыт налогообложения цифровых активов В Соединённых Штатах Америки система налогообложения цифровых активов претерпела существенное развитие за последнее десятилетие. Начиная с 2014 года IRS последовательно распространяет на криптовалюту режим налогообложения имущества. В 2019 году ведомство опубликовало расширенное руководство (Revenue Ruling 2019-24), посвящённое специфическим вопросам в частности, налоговым последствиям форков и эйдропов. Закон об инфраструктурных инвестициях и рабочих местах 2021 года расширил требования к отчётности для брокеров, работающих с цифровыми активами, существенно усилив фискальный контроль в данной сфере. Максимальная ставка налога на долгосрочный прирост капитала от реализации криптовалюты составляет в США 20%, тогда как краткосрочный прирост облагается по обычным ставкам подоходного налога (до 37%). Государства члены Европейского союза демонстрируют значительную вариативность в подходах к налогообложению цифровых активов, поскольку прямые налоги относятся к компетенции государств-членов. Германия применяет особый порядок: продажа криптовалюты, удерживаемой более одного года, освобождается от налога на прирост капитала для физических лиц, что создаёт стимулы к долгосрочным инвестициям. Франция облагает доходы от реализации цифровых активов по фиксированной ставке 30% (так называемый «единый фиксированный сбор»). Португалия, прежде известная как юрисдикция с нулевым налогом на криптовалюту для физических лиц, в 2023 году ввела налогообложение доходов, возникших в результате краткосрочного (менее одного года) владения криптоактивами.⁴

Принципиальное значение для гармонизации международного налогообложения цифровых активов имеет разработанный ОЭСР Стандарт отчётности по криптоактивам (Crypto-Asset Reporting Framework, CARF), принятый в 2022 году и направленный на автоматический обмен налоговой информацией между государствами в отношении транзакций с цифровыми активами. CARF является логическим продолжением Единого стандарта отчётности (CRS) и призван устранить регуляторный арбитраж, возникающий вследствие псевдонимности блокчейн-транзакций.

Налоговое законодательство Республики Узбекистан в сфере цифровых активов

Республика Узбекистан в числе первых государств постсоветского пространства сформировала относительно комплексную правовую базу для регулирования рынка цифровых активов. Фундаментом данной системы стало Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-3832 от 3 июля 2018 года «О мерах по развитию рынка криптовалют в Республике Узбекистан»,⁵ закрепившее легальный статус криптовалютных бирж и определившее базовые условия их лицензирования. Последующим нормативным развитием стало Постановление Президента № ПП-4899 от 30 ноября 2020 года «О мерах

⁴ Постановление Президента Республики Узбекистан от 3 июля 2018 г. № ПП-3832 «О мерах по развитию рынка криптовалют в Республике Узбекистан». <https://lex.uz/docs/3777235>

⁵ Налоговый кодекс Республики Узбекистан от 30 декабря 2019 г. № ЗРУ-599 (с изм. и доп. 2024 г.). <https://lex.uz/docs/4674893>

по дальнейшему развитию рынка цифровых активов и цифровых технологий»,⁶ введшее понятие «национальной криптовалютной биржи» и установившее требования к её деятельности.

В налогово-правовом отношении Налоговый кодекс Республики Узбекистан⁷ относит доходы от операций с цифровыми активами к налогооблагаемым доходам физических и юридических лиц. Доходы от продажи криптовалюты, полученные физическим лицом резидентом Республики Узбекистан, облагаются налогом на доходы физических лиц. Деятельность по майнингу криптовалюты квалифицируется как предпринимательская деятельность, что влечёт обязанность регистрации субъекта предпринимательства и уплаты налогов в соответствии с применимым налоговым режимом (общий или упрощённый порядок налогообложения).

Вместе с тем налоговое законодательство Республики Узбекистан в рассматриваемой сфере характеризуется рядом существенных пробелов. Отсутствует специальное нормативное регулирование налогообложения стейкинга, доходов от участия в протоколах децентрализованного финансирования (DeFi), операций с NFT и иных специфических инструментов рынка цифровых активов. Данные пробелы создают правовую неопределённость как для налогоплательщиков, так и для органов налогового контроля, что в конечном счёте снижает эффективность налогового администрирования в рассматриваемой сфере.

Налогообложение операций майнинга и стейкинга. Майнинг и стейкинг представляют собой принципиально различные технологические механизмы генерации новых единиц криптовалюты, однако в налогово-правовом отношении оба процесса порождают вопрос о моменте и основаниях возникновения налогооблагаемого дохода.

Применительно к майнингу в мировой практике сложились два основных подхода. Согласно первому подходу (принятому, в частности, в США), вознаграждение майнера в виде вновь созданных монет образует обычный доход в момент получения, исчисляемый по рыночной стоимости на дату получения. При последующей реализации майнером добытой криптовалюты возникает дополнительный доход (или убыток) в виде прироста капитала разницы между ценой реализации и ценой, по которой актив был учтён в момент получения. Согласно второму подходу, налогооблагаемое событие возникает лишь при реализации добытой криптовалюты, а сам процесс майнинга рассматривается как создание нового актива, аналогичного созданию материальных ценностей налогоплательщиком.

Стейкинг участие в валидации транзакций путём «заморозки» (блокировки) криптовалюты в соответствующем протоколе в обмен на вознаграждение ставит принципиально иные налоговые вопросы. Американские суды в деле *Jarrett v. United States* (2022) столкнулись с аргументом налогоплательщика о том, что вознаграждение за стейкинг следует рассматривать как создание нового имущества (*analogous to a farmer's*

⁶ Financial Action Task Force (FATF). (2021). Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. FATF/OECD.

⁷ Grinberg, R. (2012). Bitcoin: An Innovative Alternative Digital Currency. *Hastings Science & Technology Law Journal*, 4(1), 159–208.

стор), а не как доход, полученный в момент его начисления. Хотя данное дело завершилось возвратом налога IRS без судебного прецедента по существу, оно обнажило концептуальную проблему налогово-правовой квалификации стейкинга.⁸

НДС и цифровые активы: проблемы применения. Вопрос о применении налога на добавленную стоимость (НДС) к операциям с криптовалютой получил наиболее авторитетное разрешение в практике Суда Европейского союза. В решении по делу Hedqvist (C-264/14, 2015) Суд ЕС постановил, что операции по обмену традиционной валюты на биткойн и обратно являются «сделками с валютой, банкнотами и монетами» в смысле Директивы об НДС и, следовательно, освобождаются от налогообложения НДС. Данная позиция оказала значительное влияние на формирование национальных подходов государств членов ЕС: большинство из них освободили операции обмена криптовалюты от НДС.

Вместе с тем сфера применения данного освобождения остаётся дискуссионной. Распространяется ли оно на операции по выпуску (эмиссии) токенов в рамках первичных предложений монет (ICO/ИТО)? Применяется ли оно к смарт-контрактам, автоматически исполняющим сделки? Является ли майнинг «поставкой услуг» в налоговых целях? Эти вопросы по-прежнему не имеют единообразного ответа в праве ЕС, не говоря уже о третьих государствах.

В Республике Узбекистан операции с криптовалютой на лицензированных национальных биржах освобождены от налога на добавленную стоимость в соответствии с действующим регуляторным режимом. Данное решение соответствует международной тенденции и создаёт конкурентные условия для развития легального криптовалютного рынка. Вместе с тем вопрос о налоговом режиме внебиржевых (OTC) операций и трансграничных транзакций остаётся недостаточно урегулированным.

Налоговые аспекты децентрализованных финансов (DeFi) и NFT

Децентрализованные финансы (DeFi) совокупность финансовых сервисов, функционирующих на основе смарт-контрактов без участия традиционных финансовых посредников, создают беспрецедентные вызовы для налоговых систем. Операции в экосистеме DeFi предоставление ликвидности в автоматизированных маркет-мейкерах (АММ), получение вознаграждений (yield farming), участие в управлении протоколами посредством токенов голосования — порождают разнообразные потоки доходов, юридическая квалификация которых в большинстве юрисдикций неопределённа.⁹

Невзаимозаменяемые токены (NFT) уникальные цифровые активы, подтверждающие право собственности на конкретный цифровой объект, также находятся в зоне налоговой неопределённости. Ключевой вопрос состоит в том, применяются ли к ним правила налогообложения прироста капитала или же, в случае если NFT удостоверяют коллекционные предметы, повышенные ставки, предусмотренные для предметов

⁸ Постановление Президента Республики Узбекистан от 30 ноября 2020 г. № ПП-4899 «О мерах по дальнейшему развитию рынка цифровых активов и цифровых технологий». <https://lex.uz/docs/5111144>

⁹ European Commission. (2020). Digital Finance Package: Digital Finance Strategy for the EU. European Commission. https://finance.ec.europa.eu/publications/digital-finance-package_en

коллекционирования (в США до 28%). Налоговые последствия первичного создания (минтинга) NFT творческими работниками, роялти от последующих перепродаж, а также операций обмена одного NFT на другой остаются предметом активной доктринальной дискуссии.

Трансграничный аспект и информационный обмен

Трансграничный характер оборота цифровых активов создаёт особые проблемы для определения юрисдикции налогообложения и предотвращения уклонения от уплаты налогов. Традиционные критерии резидентства и источника дохода применяются к блокчейн-транзакциям с трудом: узлы валидации распределены по всему миру, пользователи могут осуществлять транзакции через децентрализованные биржи без идентификации личности, а смарт-контракты «размещены» одновременно во всех узлах сети.

Именно для решения данной проблемы ОЭСР разработала Стандарт отчётности по криптоактивам (CARF), предусматривающий обязанность криптоактивных сервис-провайдеров (CASP) собирать информацию о клиентах и их транзакциях и передавать её компетентным органам для целей автоматического международного обмена. CARF был одобрен государствами членами G20 и планируется к имплементации в национальное законодательство большинства развитых государств с 2026–2027 года, что кардинально изменит ландшафт налогового контроля в сфере цифровых активов.

Для Республики Узбекистан, присоединившейся к ряду международных конвенций об административной помощи по налоговым вопросам, вопрос об имплементации CARF является стратегически важным. Создание эффективной системы автоматического обмена налоговой информацией по транзакциям с цифровыми активами будет способствовать как пополнению государственного бюджета, так и повышению прозрачности рынка цифровых активов.

Перспективы развития налогового законодательства о цифровых активах

Анализ международных тенденций позволяет выделить несколько ключевых направлений развития налогового законодательства в сфере цифровых активов. Первым из них является концептуальная унификация. Правовая неопределённость в вопросах квалификации цифровых активов существенно снижает эффективность налоговых систем и порождает регуляторный арбитраж. В рамках международных организаций прежде всего ОЭСР, G20 и Европейского союза идёт активная работа по выработке унифицированных принципов налогово-правовой квалификации основных категорий цифровых активов, что в перспективе должно сократить расхождения между национальными законодательствами.

Вторым направлением является усиление налогового контроля. Введение CARF, расширение требований к отчётности для криптоактивных бирж и развитие технологий блокчейн-аналитики формируют инфраструктуру налогового контроля, которая по степени охвата уже приближается к системе контроля за традиционными финансовыми активами. В среднесрочной перспективе это существенно сократит возможности для

уклонения от уплаты налогов посредством использования псевдонимности блокчейн-транзакций.

Третье направление связано с разработкой специализированных режимов налогообложения отдельных видов операций с цифровыми активами. Уже сейчас ряд государств (Германия, Португалия, Швейцария) предоставляет льготы для долгосрочных инвесторов; Швейцария применяет особый режим для профессиональных трейдеров. Следует ожидать, что специальные режимы для стейкинга, майнинга, участия в DeFi-протоколах и операций с NFT будут введены в большинстве развитых юрисдикций в течение ближайших пяти лет.

Для Республики Узбекистан перспективным направлением является разработка специальной главы Налогового кодекса, посвящённой налогообложению операций с цифровыми активами. Такая глава могла бы закрепить определения ключевых понятий (криптовалюта, токен, NFT, стейкинг, майнинг), установить правила определения налоговой базы применительно к каждому виду операций, определить ставки и льготы, а также урегулировать вопросы налогового учёта и отчётности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов. Трансформация налогового законодательства в сфере цифровых активов является объективно обусловленным процессом, отражающим необходимость адаптации фискальных систем к реалиям цифровой экономики. Данная трансформация осуществляется в условиях концептуальной неопределённости, обусловленной принципиальной новизной цифровых активов и их несводимостью к существующим правовым категориям.

Сравнительно-правовой анализ свидетельствует о преобладании в мировой практике двух подходов к налогово-правовой квалификации криптовалют: как имущества (наиболее распространённый) и как финансовых инструментов особого рода. Ни один из них не лишён недостатков: первый создаёт избыточную налоговую нагрузку при обычных платёжных транзакциях, второй требует развитой нормативной базы, детально регламентирующей каждый вид операций.

Налоговое законодательство Республики Узбекистан в рассматриваемой сфере находится на начальном этапе формирования. Республика располагает необходимыми предпосылками для создания конкурентоспособной и справедливой системы налогообложения цифровых активов, однако реализация данного потенциала требует принятия комплексных законодательных мер, включающих как нормативную конкретизацию понятийного аппарата, так и выработку правил налогообложения специфических операций, характерных для экосистемы цифровых активов.

В целом трансформация налогового законодательства в сфере цифровых активов представляет собой длительный и многоаспектный процесс, в котором национальные законодатели вынуждены одновременно решать задачи обеспечения фискальных интересов государства, поддержания инвестиционной привлекательности и соблюдения принципов налоговой справедливости. Научная разработка концептуальных основ

налогообложения цифровых активов является неотложной задачей современного налогового права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Grinberg, R. (2012). Bitcoin: An Innovative Alternative Digital Currency. *Hastings Science & Technology Law Journal*, 4(1), 159–208.
2. Internal Revenue Service. (2014). Notice 2014-21: IRS Virtual Currency Guidance. U.S. Department of the Treasury. <https://www.irs.gov/pub/irs-drop/n-14-21.pdf>
3. OECD. (2022). Taxing Virtual Currencies: An Overview of Tax Treatments and Emerging Tax Policy Issues. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/e28c35bd-en>
4. OECD. (2022). Crypto-Asset Reporting Framework and Amendments to the Common Reporting Standard. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/26986d0e-en>
5. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA). *Official Journal of the European Union*, L 150, 40–205.
6. European Commission. (2020). Digital Finance Package: Digital Finance Strategy for the EU. https://finance.ec.europa.eu/publications/digital-finance-package_en
7. Financial Action Task Force (FATF). (2021). Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. FATF/OECD.
8. Постановление Президента Республики Узбекистан от 3 июля 2018 г. № ПП-3832 «О мерах по развитию рынка криптовалют в Республике Узбекистан». <https://lex.uz/docs/3777235>
9. Постановление Президента Республики Узбекистан от 30 ноября 2020 г. № ПП-4899 «О мерах по дальнейшему развитию рынка цифровых активов и цифровых технологий». <https://lex.uz/docs/5111144>
10. Налоговый кодекс Республики Узбекистан от 30 декабря 2019 г. № ЗРУ-599 (с изм. и доп. 2024 г.). <https://lex.uz/docs/4674893>
11. Jarrett v. United States, No. 3:21-cv-00419 (M.D. Tenn. 2022).
Case C-264/14, Skatteverket v. David Hedqvist [2015] EU:C:2015:718.